

А. В. Бузгалин¹

ДЕНЬГИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН²

Деньги и финансовый капитал рассматриваются как феномен, имеющий исторические пространственные границы. Отмечается актуальность подхода С. Д. Бодрунова – исторический взгляд на развитие денег и финансового капитала. В пространстве рыночной экономики деньги рассматриваются как товар особого рода, всеобщий эквивалент, позволяющий купить все, что продается. С появлением фиктивного капитала деньги теряют это качество и могут превратиться в ничто. Показано, что в будущем капитал утратит роль главного регулятора экономического процесса. Автор считает, что ограничение виртуального финансового капитала должно осуществляться нерыночными методами – путем прямого вложения ресурсов в экономику из государственного бюджета.

Ключевые слова: деньги, роль денег, финансовый капитал, исторический феномен, фиктивный капитал, виртуальный капитал, количественное изменение денег, ограничение виртуального финансового капитала.

УДК 332.254

Мы сегодня обсуждаем очень многогранную тему, и, естественно, что спектр выступлений варьирует от характеристики конкретных проблем финансовой жизни мира и России до прогнозов будущей посткапиталистической революции. Мне хотелось бы вернуться к нескольким ключевым положениям доклада С. Д. Бодрунова «Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала», который мы прослушали, и подчеркнуть значение тезисов, на которые часто не обращают внимания. Прежде всего – это тезис об историческом развитии финансового капитала (в исходном пункте – даже еще не финансового капитала) и денег. Нам представляется, что деньги и финансы – это нечто вечное, более того – это единственное пространство жизнедеятельности экономики. Так чаще всего мы смотрим на этот феномен, даже не задавая себе вопроса: «Когда же большая часть человечества стала жить в условиях де-

¹ Александр Владимирович Бузгалин, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук.

² По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

нежного мира?». Этот вопрос в той или иной форме я постоянно задаю студентам (иногда и профессорам) в самых разных странах мира. Разброс в ответах велик: от третьего тысячелетия до нашей эры до начала XX в. И это не случайно. Прежде всего, мы, профессиональные исследователи, сами до сих пор с трудом осознаем, что люди живут не только в США и Западной Европе. Подавляющее большинство научных работ посвящено именно этим экономикам, и только в довольно узком круге специальных исследований рассматриваются проблемы «развивающихся экономик». Пожалуй, лишь в последние 10...15 лет все больше экономистов стали признавать правомерность включения в научный дискурс проблематики Китая, в меньшей степени – Индии и других стран со стремительно развивающимися рынками.

Вслед за историческим исследованием, представленным в докладе профессора С. Д. Бодрунова, мы можем дать достаточно неожиданный ответ на вопрос, когда люди стали жить в денежном мире. Я перефразирую этот вопрос и спрошу: когда большинство жителей земного шара стали грамотными, научились читать, считать и писать? (Без этих умений денежный мир невозможен.) Ответ достаточно прост: примерно в 1920–1930-е гг., по самой оптимистической оценке. Можно сказать, что до этого времени в мировом масштабе люди производили и потребляли в большинстве своем, не опосредуясь деньгами.

Второй момент, который мне хотелось бы подчеркнуть и который был в теоретической форме представлен в докладе. Я адресую свой вопрос молодым участникам нашего семинара. Скажите, пожалуйста, в современном мире существуют внеденежные пространства, в которых можно производить и потреблять так, чтобы деньги при этом не имели никакого значения? Я отвечаю на этот вопрос утвердительно. Приведу пример: я не знаю такого студента, который бы не брал бесплатно из бесплатного источника бесплатно созданную важнейшую продукцию современного мира – информацию. Мы все ее берем из Википедии, из Google и т. д., и т. п. И даже книги на нашем научном семинаре сегодня распространяются бесплатно. Авторы бесплатно делятся тем, что они наработали за последние месяцы, годы и десятилетия исследовательской деятельности. Аналогично, бесплатно делятся знаниями и профессора, и студенты, и молодые исследователи – во время семинаров, конференций и других научных и образовательных мероприятий. Таким образом, огромное пространство человеческой деятельности – прежде всего креативной – лежит в сфере, где денег нет, и они не нужны. Не нужны как предпосылка.

Это небольшое, но очень важное введение. Деньги, и тем более финансовый капитал, – это исторический феномен, причем феномен, имеющий не такие безумные исторические пространственные границы, как нам подчас кажется. Тезис очень многих великих экономистов о том, что экономика – это деньги, а деньги – это то, чем занимается министерство финансов, подтвержденный всевластием Министерства финансов в России, на самом деле является некорректным.

Второй важный тезис, представленный сегодня в докладе профессора С. Д. Бодрунова – это исторический взгляд на развитие денег и финансового капита-

ла. Такой подход является нетипичным. Сегодняшняя экономическая теория живет в одномоментном срезе локального пространства. Временного измерения как бы нет, качественных изменений, происходящих на наших глазах, тоже как бы нет, за исключением тех случаев, когда вдруг появляется биткоин или что-нибудь еще, и все вдруг начинают осознавать – что-то может измениться. Между тем, деньги претерпели качественное изменение, превратившись сначала в капитал, потом – в финансовый капитал. Точнее, до этого был еще фиктивный капитал, потом – финансовый, который затем стал виртуальным, а сейчас вообще уходит в сферу неопределенного киберпространства в виде криптовалют. Это все произошло на протяжении чуть более ста лет. Возник феномен, который привел, на мой взгляд, к качественному изменению денег и поставил под вопрос само их существование. Кстати, еще один интересный тезис доклада, на который прошу всех обратить внимание и который, к сожалению, не был акцентирован. Это то, что у финансового капитала, у денег есть историческая граница, и связана она с переходом к новому качеству общественной жизни, экономики и материального производства, к тому, что в книге профессора Бодрунова называется ноономикой.

Сначала скажу кратко об этих качественных переходах. Первое: деньги – это товар особого рода, который появляется на мировом рынке и имеет стоимость. Чтобы золото вышло на рынок, его надо добыть и отчеканить монету. Это труд, который имеет универсальную форму. Второе: на этой основе деньги превращаются во всеобщий эквивалент. Для студентов я часто привожу пример джина: потеряли волшебную лампу Алладина, появился джин, готовый исполнить любое желание хозяина лампы. Деньги – это своего рода аналог джина в реальной жизни: если вы вынимаете из кармана банковскую карту, желательную платиновую, за которой стоит соответствующий счет в банке, вы получаете возможность купить все, что продается. Но тут возникает еще один момент: все перечисленное характерно только для пространства рыночной экономики. А за пространством рыночной экономики всегда лежало то, что не покупается и не продается. Студентов при рассмотрении темы денег я всегда прошу перечислить, чего нельзя купить и что нельзя продать. Бывают очень глубокие ответы, но часто отвечают, что купить и продать можно все.

Итак, деньги в пространстве рыночной экономики – это всеобщий эквивалент, т. е. товар, который обладает свойством всеобщего эквивалента, свойством потенциального удовлетворения потребностей во всем, что можно продать и купить. Но как только появляется фиктивный капитал, деньги становятся зависимыми от деривативов, от всего, что обращается на финансовом рынке: от акций, облигаций, фиктивного капитала и производных денежных инструментов. Выясняется, что это – «как бы деньги». Когда мы доходим до агрегата МЗ, в который входит огромное количество «не совсем денег» (выражаясь простым языком), выясняется, что эти «не совсем деньги» в любой момент могут превратиться в ничто. Деньги теряют свое качество всеобщего эквивалента и становятся продуктом капитала. В России то, что деньги могут превратиться в ничто, старшее поколение не раз испытало на собственном

опыте: сбережения в советских рублях превратились в ничто за нескольких месяцев; во время дефолта сбережения в постсоветских рублях уменьшились в несколько раз за короткое время, по мановению волшебной палочки в руках лиц, принимающих решения; курсы валют в настоящее время испытывают серьезные колебания. Все это свидетельствует о том, что деньги перестали быть в полной мере всеобщим эквивалентом. Попав в киберпространство, деньги превратились в виртуальные. Слово *virtual* в английском имеет два значения: 1 – виртуальный, располагающийся в интернет-пространстве, в кибер-пространстве, 2 – вероятность какого-либо феномена. То есть виртуальные деньги – это «как бы деньги», «возможно деньги», «только с некоторой степенью вероятности деньги как всеобщий эквивалент». Почему же происходит это превращение, подрыв качества денег, благодаря которому они играли свою историческую роль на протяжении длительного времени? Ответ на этот вопрос последовательно развит в докладе профессора С. Д. Бодрунова. Причиной этого является финансовый капитал в его качестве «паразитического посредника», а не источника воспроизводства, обеспечивающего технологическое, экономическое и социальное развитие.

Когда финансовый капитал перестает быть главным источником воспроизводства технологического, экономического и социального развития, он порождает, ускоряет дальнейшую виртуализацию денег во втором смысле, т. е. вызывает превращение денег в «как бы деньги» и их отрыв от своего качества всеобщего эквивалента. Этот процесс сегодня развивается очень активно. Более того, он приобретает неожиданное качество зависимости от функционирования экономического процесса, т. е. от тех, кто эти деньги «делает». Сегодня деньги «делает» не только система государства. Многие знают, что Федеральная резервная система (ФРС) США – это частный институт, за которым стоят крупнейшие банки Соединенных Штатов Америки. Большая часть ФРС – это 10 крупнейших банков США. Это и есть «сделанный» финансовый капитал, являющийся продуктом субъектного и субъективного, зависящего от воли и сознания участвующих в этом процессе акторов. Такие действия становятся на самом деле угрозой для мирового экономического процесса.

Дальше встает вопрос о поисках решений проблем, которые возникают вследствие того, что деньги: а) продукт фиктивного финансового капитала; б) виртуальные, двояковоероятностные, обращаются в киберпространстве; в) являются продуктом деятельности субъектов, а не некоторым объективным феноменом, каковым было золото, выступающее в качестве мирового всеобщего эквивалента. В результате встает вопрос, что дальше? Один из ответов представлен в докладе профессора С. Д. Бодрунова. Отмечу, что во многих ключевых положениях я с его позицией согласен. В принципе, в будущем нас ждет отмирание финансового капитала как главного регулятора экономического процесса. Промежуточный шаг состоит в подчинении финансового капитала задачам экономического и социального прогресса, прежде всего – прогресса Человека.

Что касается механизмов этого процесса, то здесь я хотел бы немного подискутировать с предшествующими докладчиками. На мой взгляд, ограничение виртуального финансового капитала должно осуществляться нерыночными методами. Такая постановка вопроса может у кого-то вызвать в памяти образ матроса с ружьем (мы, кстати, находимся недалеко от Зимнего дворца, который когда-то охранялся такими матросами). Прозвучит фраза «караул устал» или что-то в этом роде, в результате – банк закрывается, приходит матрос Железняк и становится новым директором банка. Но это – фантазмагорическая картина. Здесь же речь идет о другом, о том, что для финансового капитала, как и для любых других рыночных транзакций, могут быть созданы коридоры, определенные рамки, в которых происходит функционирование рынка и финансового капитала и вне которых рынка нет. То есть, для рынка создаются некие пространства, в которых рынок функционирует, в них есть все условия для рынка, для финансового капитала, но одновременно существуют и другие пространства, в которых рынка нет. И каждый из нас выбирает, в каком пространстве ему жить. Конечно, будет диффузия на границе, будут огромные противоречия – от этого никуда не уйдешь, но сама постановка вопроса о том, что есть внерыночные, пострыночные пространства – на мой взгляд, очень важна.

И это – выбор, который стоит перед каждым из нас, особенно перед молодым поколением. Стоит выбор, куда пойти: в финансовую корпорацию в надежде, что вас не заставят работать по 12 часов в сутки без выходных, а через 5 лет вы станете крупным финансистом и будете получать огромные деньги? Или учителем в школу, ассистентом в университет, младшим научным сотрудником в Академию наук – с зарплатой, которая позволяет нормально жить, заниматься творческой исследовательской деятельностью, пользоваться общественным транспортом, но на которую не купишь, например, хорошую машину. Это – реальный выбор. Но, на мой взгляд, этот выбор – не такой уж мучительный, потому что заниматься наукой, преподавать гораздо интересней и приятней, чем сидеть в офисе по 12 часов в сутки, чтобы потом на заработанные деньги пойти в фитнес-центр и, наконец, привести себя в порядок, чтобы потом снова по 12 часов в сутки сидеть в офисе. Выбор этот, безусловно, не такой простой. Но в случае такой постановки вопроса мы выходим за границы рыночного пространства.

И тогда встают принципиальные вопросы.

Если говорить об экономическом развитии, о технологиях, то здесь создаются точно такие же пространства – пространства, в которых мы действуем нерыночными методами, осуществляем прямое общественно-государственное воздействие на экономику. И в данном случае деньги, которые мы будем расходовать на что-то в рамках этих пространств, будут уже планово-нормативными ресурсами, а не деньгами в точном политико-экономическом смысле этого слова.

Приведу последний пример в качестве иллюстрации этого тезиса: во время кризиса 2008–2009 гг. во многих странах встал вопрос – что делать, как спасти? И ответом было – «спасать при помощи государства», хотя, исходя из принципов ры-

ночной экономики, государству следовало бы сказать: «Друзья-финансисты, вы играли в «казино-капитализм» (термин не мой, его ввели американские исследователи). В казино люди не только выигрывают, но и проигрывают. Вы проиграли – значит, разоритесь. В результате вашего разорения не будет многих частных финансовых институтов, ну и что из этого? Ничего страшного. Несколько миллионов человек останутся без работы, вы можете пойти в школы преподавать, например, арифметику, никаких проблем с таким трудоустройством не будет. Будете получать нормальную зарплату, вы ведь убеждены, что учителя получают достойное вознаграждение за свой учительский труд». Но государства большинства стран вместо такого рода действий (которые я представил намеренно утрированно, полностью сохранив смысл в соответствии с принципами свободного рынка) решили взять деньги из карманов налогоплательщиков для помощи компаниям, пострадавшим во время кризиса.

А дальше – развилка. *Первый вариант*: помочь погасить долги частных финансовых институтов в надежде на то, что эти институты вернут долги банкам в надежде на то, что банки за счет возвращенных им средств дадут кредиты реальному сектору в надежде на то, что реальный сектор эти кредиты использует для расширения производства в надежде на то, что при расширении производства рабочим заплатят достойную зарплату, которая позволит им удовлетворить свои потребности, и в результате этой длинной цепочки действий, в которую вовлечены все основные акторы экономики, экономика начнет расти. Но даже для неспециалиста очевидно, что в случае реализации этого варианта значительная часть денег, направленных на ликвидацию последствий кризиса, уплывет в оффшоры. *Второй вариант*: прямое вложение ресурсов в экономику из государственного бюджета – абсолютно не рыночный метод прямого инвестирования, в духе госплана советских времен. Этот метод использовал Китай, обеспечив не 12 % роста, как до кризиса, а «всего лишь» 7 % роста, тогда как в России произошел 10 %-ный спад экономики. Здесь я поставлю многоточие...

A. V. Buzgalin. Money as a historical phenomenon. A. V. Buzgalin analyzes money and financial capital as a historical phenomenon with historical spatial boundaries and pinpoints the relevance of S. D. Bodrunov's historical perspective on the evolution of money and financial capital. In the market economy, money is perceived as a special type of goods, namely a general equivalent used to buy anything that is up for sale. With the emergence of fictitious capital, money loses that characteristic and may become redundant. The author shows that in the future capital will no longer serve as the chief regulator of economic processes. According to Buzgalin, the restriction of virtual financial capital should be performed through non-market measures, i.e. direct investment of resources into the economy of the federal budget.

Keywords: money, role of money, financial capital, historical phenomenon, fictitious capital, virtual capital, quantitative money changes, restriction of virtual financial capital.